

УДК 94(47)''1917''
ББК 63.3(2)52
В22

Вахитов, Рустем Ринатович.

В22 Революция, которая спасла Россию / Рустем Вахитов. —
Москва : Алгоритм, 2017. — 224 с. — (Революция и мы).

ISBN 978-5-906880-61-1

Рустем Вахитов, ученый и публицист, постоянный автор «Советской России», в своей новой книге пишет об Октябрьской революции 1917 года. Почему имперская Россия была обречена? Почему провалилась либеральная Февральская революция? Как получилось, что революционер-интернационалист Ленин стал русским патриотом и собирателем Отечества? Чем Октябрьская революция ценна для российского патриота?

Ответы на эти вопросы вы найдете в книге. Она – о тупике дореволюционной России, о слабости русской буржуазии и прозападных либералов; о том, как Ленин, желая создать плацдарм для мировой Коммуны, воссоздал российскую, евразийскую сверхдержаву. Это лучшая оценка Октябрьской революции с точки зрения российского великодержавия и патриотизма.

УДК 94(47)''1917''
ББК 63.3(2)52

ISBN 978-5-90688061-1

© Вахитов Р.Р., 2016
© ООО «ТД Алгоритм», 2016

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Массово-политическое издание

РЕВОЛЮЦИЯ И МЫ

Вахитов Рустем Ринатович

РЕВОЛЮЦИЯ, КОТОРАЯ СПАСЛА РОССИЮ

Редактор *О. В. Селин*
Художественный редактор *Б. Б. Протопопов*

ООО «Алгоритм»

Оптовая торговля:

ТД «Алгоритм» +7 (495) 617-0825, 617-0952

Сайт: <http://www.algoritm-izdat.ru>

Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 19.10.2016.
Формат 84x108^{1/32}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,76.
Тираж экз. Заказ

ISBN 978-5-906880-61-1



СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	6
«Хлебная сверхдержава»	8
«Россия стала бы грамотной раньше...»	21
Кому нужен культ Николая II	35
Цареубийство — дитя монархии	51
Уроки Февраля	67
Неизвестный Октябрь	86
«Если бы не Ленин и большевики...»	116
Страсти по революции	139
Создание красной сверхдержавы	153
Ленин как левый патриот	182
Образ Ленина в общественном сознании	194
Памятник народу (о Мавзолее В.И. Ленина)	206
Вместо заключения	216

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Почему имперская Россия была обречена? Почему провалилась либеральная альтернатива Февраля? Как получилось, что международный революционер Ленин стал русским патриотом и собирателем Отечества? Что бы случилось, если бы к власти в 1917-м не пришли большевики? Чем Октябрьская революция ценна для российского патриота?

Ответы на эти вопросы вы найдете в книге. Она — о ресурсном тупике дореволюционной России. О слабости русской буржуазии и западоцентризме ее либералов. О крестьянской революции 1917 г. О взрывах национализмов, разорвавших Российскую империю. О политической и идеологической гибкости и интуиции Ленина. О том, как он, желая создать плацдарм для мировой Коммуны, воссоздал российскую, евразийскую сверхдержаву. Короче, об Октябрьской революции с точки зрения российского великодержавия и патриотизма.

Сейчас много говорится о том, что России нужна своя идеология, свое официальное прочтение нашей великой истории. Я считаю, что важное место в этой идеологии должны найти Великая Октябрьская революция и ее вождь. Вне зависимости от политических пристрастий, симпатий и антипатий граждан современной России, мы должны признать значение революции и основателя российской советской республики Ленина, вписать их в контекст официального российского патриотизма. Французы

и американцы признают свои революции, Робеспьера и Вашингтона, хотя современным французам может не нравиться якобинский террор, а американцам — что Вашингтон был рабовладельцем. Европейцы и американцы не хотят тотально очернять свою историю. Они принимают ее такой, какая она есть. И это тот случай, когда мы можем у них поучиться.

Без признания прошлого невозможно настоящее. Мы не должны уподобляться нашей соседке Украине, власти которой в антисоветском раже стали крушить память о Ленине, СССР и УССР и тем самым подложили бомбу под территориальную целостность и легитимность собственного государства.

Автор этой книги популяризировал патриотический, евразийский взгляд на революцию в течение последних 15 лет в различных изданиях левопатриотической оппозиции. Книга представляет наиболее полное его изложение.

«ХЛЕБНАЯ СВЕРХДЕРЖАВА»

Каждый раз в канун очередной годовщины Октябрьской революции с экранов телевизоров, из радиоприемников, со страниц газет и журналов опять мы видим и слышим рассуждения о том, что Россия представляла собой активно развивающееся благополучное капиталистическое государство, однако пришли «злые большевики» и столкнули страну со столбовой дороги цивилизации на обочину. С эпохи распада СССР прошло уже почти 25 лет, выросло целое поколение тех, для кого Советский Союз — история. Возможно, многие из них сейчас уже и не подозревают, что все эти инвективы либеральных пропагандистов — вывернутая наизнанку схема вульгарного, упрощенного «марксизма», «истмата», который был официальной идеологией в СССР. Его сторонники также доказывали, что Россия до революции была страной успешно развивавшегося капитализма, настолько передового, что в ней сформировался рабочий класс, вполне готовый произвести социалистическую революцию и даже построить социализм в отдельно взятой стране. Только Октябрьская революция при этом изображалась как следствие «железной необходимости», ведущей капитализм к его гибели. Из этой конструкции вынули тезис о «железной исторической необходимости», сменили оценки на противоположные — и получилась схема либерального агитпропа о капитализме в России и злых большевиках.

На самой деле обе этих картинки имеют очень отдаленное отношение к действительности. Капитализм в России до революции был своеобразным, не похожим на классический, западный. Но, кстати, весьма напоминающим современный российский...

Бурное развитие капитализма в России связывают со знаменитыми реформами 1861 г., которые создали условия для утверждения рыночного уклада. По Положениям о крестьянах 1861 г. было отменено крепостное право, крестьяне превратились в юридически свободных подданных империи, они теперь имели возможность заниматься своим хозяйством, наниматься к помещику, а то и на определенных условиях уехать в город и стать рабочими на мануфактурах и фабриках. Казалось бы, Россия пошла по тому пути, который уже к тому времени прошли страны Запада, к примеру Англия или Германия. Действительно, в России стали строиться железные дороги, промышленные предприятия, начал формироваться свой национальный рабочий класс и даже заявлять о своих правах, устраивая стачки. Промышленное производство, по оценкам историков, выросло в 7–10 раз.

В то же время ситуация имела существенные отличия от картины зарождения и развития капитализма на Западе. Несмотря на относительно высокие темпы промышленного роста даже в 1913 г., то есть даже через полвека после начала реформы, на Россию приходилось лишь 4,4% мирового промышленного производства, тогда как, например, на США — 35,8%*. Подавляющее большинство населения Российской Империи (от 70 до 80%) и в начале XX в. оставалось в деревнях, занимаясь там тяжелым, в основном ручным трудом. Количество горожан росло не так быстро, как

* Арин О.А. «Правда и вымыслы о царской России».

это диктовали требования индустриализации. В России начала XX в. всего лишь 12,6% населения были горожанами, тогда как в Англии процент горожан еще в 1840 г. перевалил за 50%. Кстати, именно это предопределило то обстоятельство, что в России конца XIX — начала XX вв. не сформировался и сколько-нибудь крепкий «средний класс», бывший на Западе опорой либеральных преобразований. Городская прослойка была слишком тонкой, а ведь среда развития среднего класса — это именно города.

Слаба была и российская буржуазия, как показали потом и события революции 1905 г. Она так и не сумела стать самостоятельной политической силой и постоянно склонялась к тому, чтобы идти на поводу у власти. Это имело объективные причины: основная часть пореформенной российской промышленности принадлежала либо государству, либо иностранцам. В 1912 г. в текстильной промышленности доля немецкого капитала достигала 50%. В металлургической, машиностроительной, механической, электрической, электротехнической, светильногазовой промышленности 71,8% принадлежал немецкому капиталу, 12,6% — французскому капиталу, 7,4% — бельгийскому капиталу. На долю российской буржуазии приходилось лишь 8,2%. До 1/3 коммерческих банков, работавших в России до Первой мировой войны, были иностранными*.

Наконец, российский рабочий класс составлял к Первой мировой войне не более 10% населения. Но и эти 10% вовсе не были квалифицированными профессиональными пролетариями, большинство из них были крестьянами, которые выезжали в города для сезонной подработки, они были «приписаны» к своим деревням и имели там земельные наделы и семьи.

* Арин О.А. «Правда и вымыслы о царской России».

Капитализм в пореформенной России так и не сумел преодолеть аграрного характера экономики страны. Более половины экспорта Российской империи начала века составляло зерно. Россия вывозила хлеб и другую сельскохозяйственную продукцию, а ввозила машины и промышленные товары. Единственная область промышленности, которая развивалась в пореформенные годы крайне динамично и не находилась под контролем иностранцев, это железные дороги. Но это и понятно: железные дороги были нужны, чтобы вывозить в Европу хлеб, которым царская Россия торговала с каждым новым предреволюционным десятилетием все активнее и активнее (если в 1900 г. было вывезено 418,8 миллиона пудов, то в 1913 — уже 647,8 миллиона пудов*).

Все это мало походит на страны развитого капитализма. Зато очень напоминает современное российское сырьевое государство, которое возникло после неудачных либеральных реформ Горбачева, а затем Гайдара, целью которых, по крайней мере декларируемой, было поначалу вывести СССР (Россию) на уровень наиболее развитых стран Запада. Только современное российское сырьевое государство стоит на продаже за рубеж нефти и газа, а дореволюционная Россия стояла на продаже хлеба. Россия Путина — это «энергетическая сверхдержава», а Россия последнего царя из династии Романовых была, так сказать, «хлебной сверхдержавой». Разумеется, слово «сверхдержава» в данном случае необходимо употреблять с изрядной долей иронии. Речь идет о стране, встроившейся в систему мирового капитализма на правах периферии, источника дешевых ресурсов, но при этом достаточно большой, обладающей

* Покровский С.А. «Внешняя торговля и внешняя торговая политика России».

значительным военным потенциалом и могущей пытаться шантажировать отдельные страны метрополии ради удовлетворения своих региональных интересов.

К 1910-м гг. Российская Империя превращается в крупнейшего в мире экспортера пшеницы, ржи, овса и ячменя (основными импортерами были Голландия, Бельгия, Германия и Великобритания). В 1913 г. Россия поставляла на мировой рынок 22,1% зерна, тогда как Аргентина 21,3%, США 12,5%, Канада 9,58%, Голландия 8,74%, Румыния 6,62% Индия 5,62%, Германия 5,22%*. Причем структура экспорта менялась: если в 1880–1890-х преобладала пшеница, то в 1910-х ячмень. Сложилось даже своеобразное разделение труда среди губерний России: одни производили пшеницу, другие — рожь, третьи — ячмень, четвертые — кукурузу.

И это при том, что урожайность зерновых в 1908–1912 гг. в России на круг была 8 центнеров с гектара, а во Франции и США — 12,4, в Англии — 20, в Голландии — 22. В 1913 г. в России было собрано 30,3 пуда зерна на душу населения. В США — 64,3 пуда, в Аргентине — 87,4 пуда, в Канаде — 121 пуд.

Таким образом, в России была самая низкая урожайность в мире (причины ее — не только примитивность технологий сельского хозяйства, но и объективные географические условия), однако царское правительство все равно упорно экспортировало хлеб в страны Запада, превращая зерно, политое потом и кровью русских крестьян, в золото, деньги и акции помещиков, банкиров, биржевиков, членов правительства, высшей аристократии, то есть, одним словом, российской элиты того времени. Упоминание о крови не является преувеличением: в 1891–1893 гг. в России разразился голод, тем не менее Россия продолжала экспорти-

* Юрий Бахарев «О производстве зерна в царской России».

ровать зерно за границу. Вывоз продолжался даже когда из-за неурожая душевой сбор стал 14 пудов при критическом 19,2 пуда. Притчей во языцех стало восклицание «Недоедим, но вывезем!», приписываемое министру финансов Вышнеградскому, в правление которого, кстати, экспорт российского хлеба вырос в 2 раза.

Впрочем, и в урожайные годы дело обстояло немногим лучше. Вот что пишет об этом дореволюционный экономист-народник А.Н. Энгельгардт: «...Мы продаем хлеб не от избытка, что мы продаем за границу... хлеб, необходимый для собственного нашего пропитания. Пшеницу, хорошую чистую рожь мы отправляем за границу, к немцам, которые не станут есть всякую дрянь... а самую что ни на есть плохую рожь, с пухом, костерем, сивцом и всяким отбоем, получаемым при очистке ржи для винокурен — вот это ест уж мужик. Но, мало того что мужик ест самый худший хлеб, он еще недоедает...».

Конечно, кроме хлеба Россия экспортировала и другие сельскохозяйственные продукты, такие как шерсть, лен, масличные культуры, сало. В целом доля сельскохозяйственного экспорта составляла в конце XIX в. до 80%, в 1913 — 75%; экспорт промышленных товаров равнялся лишь 20%, соответственно — 25% (причем к промышленным товарам относили, например, лес, поскольку он продукт лесной промышленности, бревна ведь пилили, прежде чем грузить в вагоны).

Разумеется, сегодняшние монархисты уверяют, что деньги за вырванный из полуголодной деревни и проданный за границу хлеб и другие сельхозпродукты шли на нужды промышленности, на модернизацию промышленности, закупку новых машин, расширение производства. Отчасти так оно и было. Но только отчасти. За типичный 1907 г. доход от продажи хлеба за рубеж составил 431

миллион рублей. Из них на предметы роскоши для элиты было потрачено 180 миллионов. Еще 140 миллионов, хрустевшие французскими булками, русские дворяне оставили за границей — потратили на курортах Баден-Бадена, прокутили во Франции, проиграли в казино, купили недвижимость в «цивилизованной Европе». На модернизацию России «эффективные собственники начала прошлого века» потратили аж одну шестую дохода (58 миллионов рублей) от продажи зерна, выбитого у полуголодных, а то и голодающих крестьян*. Приведу слова министра земледелия 1915–1916 гг. А.Н. Наумова, весьма реакционного монархиста, которого уж никак не заподозришь в стремлении «очернить царский режим»: *«Процветают спекуляция хлебом, хищничество, взяточничество; комиссионеры, поставляющие зерно, наживают состояние, не отходя от телефона. И на фоне полной нищеты одних — безумная роскошь других. Вокруг усадеб власть имущих вымирают селения. Они же тем временем заняты постройкой новых вилл и дворцов».*

История повторяется, и наш «высший класс», сорящий на Лазурном берегу Франции и в Швейцарии деньгами, вырученными от продажи за границу нефти и газа, мало чем отличается от этих русских буржуа и аристократов начала века. Логика ресурсного государства остается неизменной.

Ничего удивительного в превращении России начала XX в. в периферийное сырьевое государство не было. Реформы 1860-х гг. были проведены так, что они предопределили именно это развитие событий.

Борис Кагарлицкий в своей работе «Периферийная империя» замечает, что Россия после реформ 1861 г. не по-

* Нефедов С.А. «О причинах русской революции»

шла ни по американскому, ни по прусскому пути капитализма. Первый, американский, путь предполагал полную ликвидацию помещичьего землевладения и превращение крестьян в фермеров и батраков. Второй, прусский, путь предполагал сохранение помещичьего землевладения и освобождение крестьян без земли, так чтобы они превратились в наемных работников и могли работать либо на помещиков в деревнях, либо на фабрикантов и заводчиков в городах.

Однако Положения о крестьянах 1861 г. освобождали крестьян от личной зависимости и в то же время обязывали помещиков выделить крестьянам «усадебную оседлость и полевой надел», то есть дом с приусадебным участком и надел земли, на котором крестьянин мог бы вести хозяйство, чтоб прокормить себя и семью (отказаться от этого и уехать в город крестьянин не мог, закон запрещал ему это в течение первых 9 лет). Сначала крестьянин продолжал нести барщину или платить оброк помещику (помещик оставался владельцем всех земель), затем крестьянину предлагалось эту «оседлость» и поле выкупить у помещика. Чтоб облегчить крестьянам выкуп, государство само покупало у помещиков крестьянские, общинные земли (единовременно помещикам было выплачено 80% выкупной суммы) и отдавало их общинам с условием выплаты кредита в течение 49 лет. Естественно, чтоб выплачивать кредит, крестьяне нанимались к тем же помещикам или к кулакам.

В итоге крестьяне продолжали, как и до реформы, работать на земле помещика. Только уже не как крепостные, а как «свободные» наемные работники.

Итак, сложилась любопытная ситуация. Помещики сразу же получили от государства деньги за свои земли, что для многих из них было крайне необходимо: к 1860 г. око-

ло половины помещичьих угодий, где работали 2/3 крепостных крестьян, были заложены в банках. Если бы не крестьянская реформа 1861 г., немало разорившихся дворян оказались бы в долговых тюрьмах. С другой стороны, крестьяне перестали быть крепостными, а значит, помещики больше не были за них в ответе. До реформы помещик был по закону обязан следить за состоянием дел в деревне, оказывать помощь больным, голодающим (хотя, конечно, не все и не всегда эти законы соблюдали). Кроме того, он предоставлял своим крестьянам лес для строительства домов, пастбища для выгула скота. Наконец, он просто экономически не был заинтересован в том, чтобы крестьяне измождали себя трудом, болели и умирали, ведь у него было ограниченное количество крестьян и новых пришлось бы покупать. Теперь, когда крестьяне стали свободными, а помещик превратился в буржуа-работодателя, состояние здоровья крестьян, условия их жизни и прочее его уже перестали интересовать. На место истощенным работой, больным и умершим просто придут другие.

Причем крестьяне были лишены возможности в массовом порядке переселиться в города и пробовать там найти себе средства к существованию. И в этом плане государство позаботилась о помещиках, нуждающихся в дешевой рабочей силе для своих латифундий. Как уже говорилось, первые 9 лет закон вообще запрещал крестьянам куда-нибудь уезжать, они должны были трудиться на бывшего своего помещика как временнообязанные. Но и потом перед переездом в город были поставлены серьезные ограничения. Освобождались крестьяне не в индивидуальном порядке, а общинами. Каждый крестьянин был приписан к сельскому обществу, которое только и могло по закону отпустить его, но, как правило, не очень желало лишаться работника (разве что если он отправится в город на сезон-

ные работы). Кроме того, в Российской империи существовал строгий паспортный режим. Представители податных сословий, то есть прежде всего крестьяне, должны были, для того чтобы выехать за пределы места жительства, получить у полицейского начальства временный паспорт («бесплатный вид на отлучку»). Выдавался он лишь на год (в отличие от «постоянного», который выдавался на 5 лет, в случае отсутствия долгов по сборам и платежам), и по истечении этого срока крестьянин обязан был вернуться в свое село.

Итак, больше всего выиграли от «освободительной реформы» именно дворяне — крупные землевладельцы. Они получили дешевую рабочую силу и безграничные возможности ее эксплуатировать. В результате их поместья превратились в крупные латифундии, основанные на наемном труде, использующие машины и новейшие технологии и бесперебойно поставляющие хлеб на мировой рынок.

Таких крупных помещиков-латифундистов было немного, всего около 30 000 человек, менее 1% от населения империи. Богатейших среди них было не более 700 семей. Но они владели 70 миллионами десятин земли, и на их долю приходилось 47% всего хлебного экспорта Российской империи.

Они и составляли элиту империи, теснейшим образом связанную с двором и императорской фамилией (вплоть до родственных связей). Их влияние на политику невозможно было переоценить. При выборах в третью Государственную Думу закон о выборах был составлен так, что, по словам С.Г. Кара-Мурзы, «30 тыс. помещиков получили в III Думе в два раза больше депутатских мест, чем 20 млн крестьянских дворов». По сути дела, они были олигархами «хлебной сверхдержавы», ради благополучия которых фактически и были произведены реформы. Конечно, рос-